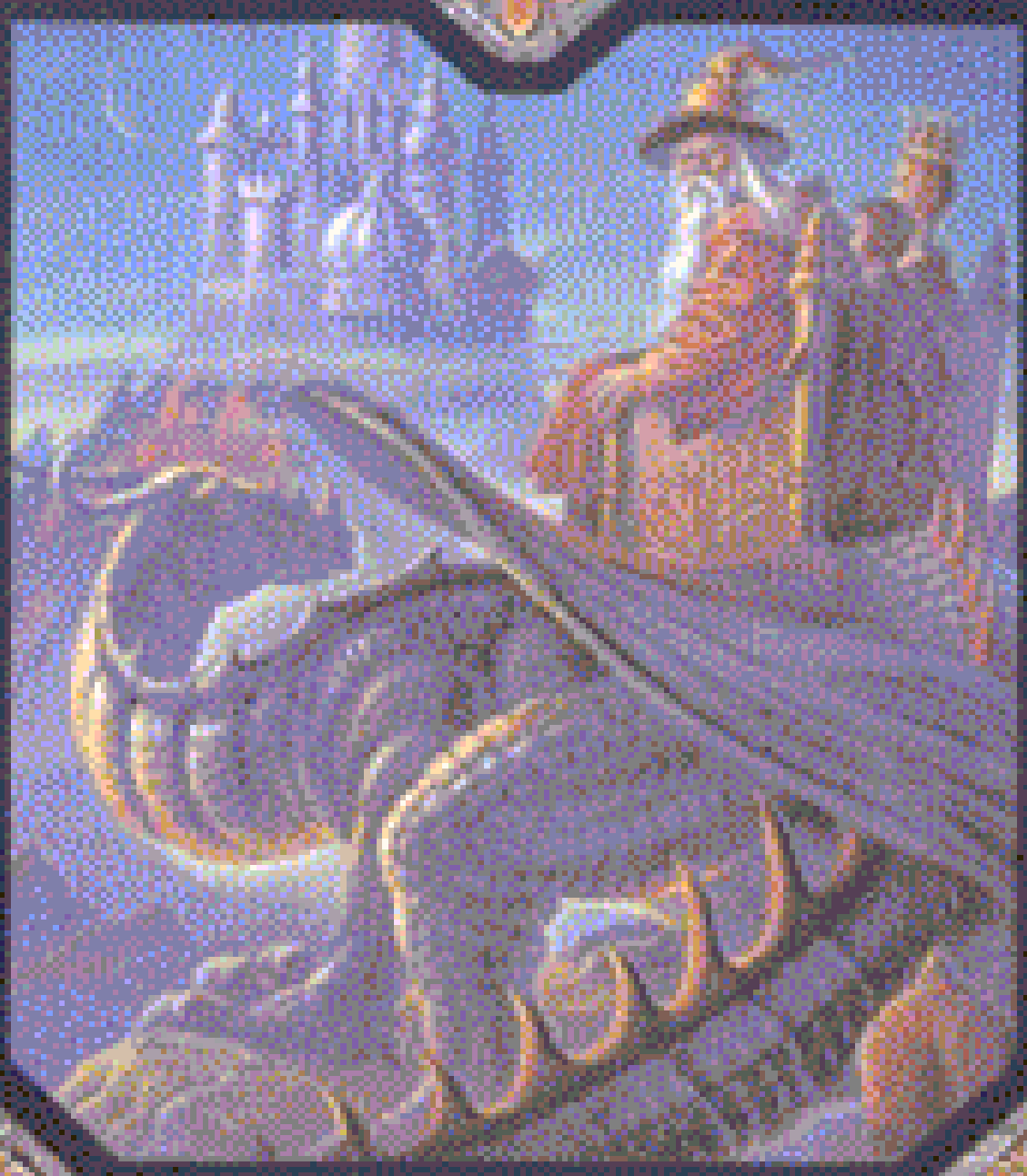

ҒАҒАП

ДЖЕЙМС БРЭНЧ ҚҒЫБЕЛ
Сқазанив
О Мануэлв

СҚАЗАНИВ О МАНУЭЛВ

Annotation

Джеймс Брэнч Кейбелл (1879-1958 гг.) – писатель, незаслуженно забытый в наши дни, однако в свое время считавшийся одним из ведущих мастеров американской «литературной легенды» первой половины XX в.

Кейбелл создал немало произведений, однако наибольшую известность ему принесла масштабная и изысканная фэнтези-сага «Сказание о Мануэле»!

Джеймс Брэнч Кейбелл

Белые одежды

(Комедия святости)

И будет препоясанием чресл Его правда,
и препоясанием бедр Его – истина.

Тогда волк будет жить вместе с ягненком.[\[1\]](#)

Сим начинается история про того блаженного Одо, кой, как утренняя звезда, зажигающая свет во чреве черного облака, сиял ясными лучами жизни своей и своего учения; кой ослепительным блеском своим вывел на свет тех, что дрожали в тени серого облака смерти; и кой, словно радуга, берущая свет у белых облаков, показал при праведной своей кончине печать завета Господина своего.

ГЛАВА I

Об образе его жизни в миру

Блаженный Одо почти год пас овец Гийома Диаса, прежде чем отправился в Друидский лес, называвшийся Бовьон, вместе с Пьером да Шароном. И вот там, под вязом, юный Одо, на котором пока еще лежала пыль мирских странствий, впервые увидел Хозяина Леса.

Этот темный Господин дал каждому юноше волчью шкуру и горшочек с мазью, которой человек мог натирать свое тело всякий раз, когда он устал в нем обитать. Господин к тому же, после того как они заключили с ним завет и отдали дань обеим его ипостасям, окрестил юношей в соответствии со странной формулой его очень старой религии новыми тайными именами: Красавчик и Щеголь.

Впоследствии эта парочка рыскала по округе в волчьем обличье до одной ссоры, которые к несчастью так быстро разгораются в играх подростков, когда два паренька повздорили как-то ночью из-за одной прекрасной телки. Они подрались, и после того как Одо полакомился двумя деликатесами вместо одного, он охотился уже в одиночку.

Одо обнаружил, что наилучшим временем для его развеселой охоты оказывался час или полчаса до рассвета, когда луна была на ущербе. Избранный им повелитель находился тогда в расцвете сил; а те выскочки, боги и архангелы, которые совершенно необоснованно взгромозились на Небеса, казались недостаточно могучими, чтобы связываться с бунтовщиками. Именно тогда Одо обычно рычал свою хвалу доброй власти, делавшей его способным без каких-либо помех получить самые глубокие и будоражащие душу наслаждения. Он ликовал, будучи рьяным староверцем, вот так свидетельствуя о силе и проницательности своего темного Господина.

В то время Одо ле Нуар напоминал зверя пониже и покрепче настоящего волка, с небольшой головой, заостренным хвостом и рыжеватою шерстью. Он забавлялся овцами, собаками и всевозможным рогатым скотом, но самой вкусной добычей он считал молодых особей своего собственного вида.

Не возникло ни малейших сплетен, но появились серьезные жалобы по поводу дикого зверя, разоряющего Валь-Ардрей, поскольку при обычной для юных лет пылкости Черный Одо не знал меры в своих развлечениях. Плохо откормленные домашние животные и дети низшего сословия им высоко не ценились. Но в Нунтеле Одо пробрался в дом властителя Басардры и, не найдя там никого, кроме последнего ребенка графини, лежащего в позолоченной колыбели с голубым пологом, схватил и утащил этого действительно важного отпрыска дворянского рода, а вскоре за садовой оградой все, что осталось от детского тельца, было случайно обнаружено самим властителем Басардры. Ни один дворянин не посмотрел бы с удовольствием на такие вольности по отношению к его потомству.

Впрочем, Одо устроил еще больший скандал, когда близ Лизуарта он напал на дочку кастеляна – очаровательнейшую и восхитительнейшую пухленькую молодую даму одиннадцати лет от роду. Ее он также вскоре лишил жизни. Но все поняли, что тут произошло нечто особенное, поскольку ее красно-белое платье было разорвано не так, как разодрали бы его волки, выношенные в теле волчицы.

Таким образом, некоторое время Одо ле Нуар^[2] жил очень весело и не повиновался никому, кроме Хозяина Леса. Этот любящий его господин посвятил юношу в тайны старых и странных развлечений и пообещал ему еще более прекрасное будущее.

– Я замысливаю для тебя великие дела, мой Красавчик, – заверял Господин Черного Одо, – и я стремлюсь к тому, чтобы ты как можно дальше зашел в службе, на которую мы с тобой поступили.

ГЛАВА II

О его горячей любви и начале мученичества

В те годы Эттарра жила в облике крестьянской девушки у подножия холмов за Пердигонем, и она нашла пристанище в крытой соломой хижине одной престарелой четы, относившейся к ней как к собственному ребенку. Они любили свою приемную дочь.

Они и не подозревали, что она спустилась из серых пространств с Той Стороны Луны, чтобы жить на земле во множестве тел в качестве вечной жертвы и предмета вечной насмешки всех людей. А по сути, в это время об Эттарре вообще не ходило никаких пересуд, кроме того, что тут и там люди говорили, что она является одной из Амнеранских ведьм.

К тому же в это время, в апреле месяце, какой-то волк посреди бела дня напал на крестьянку Эттарру, когда та пасла корову и четырех овец, но она отважно отбилась от него упавшей с дуба веткой. После чего крепкий рыжеватый зверь отступил назад и сел, как пес, на задние лапы в отдалении, на безопасном расстоянии шагов в двенадцать, и долго-предолго смотрел на нее. Высоко на дереве щебетал дрозд. Через некоторое время волк зевнул и поплелся прочь, а Эттарра за ужином заметила, в качестве любопытного обстоятельства, что у этого зверя заостренный хвост.

И сразу после этого случая молодой Одо ле Нуар начал ухаживать за крестьянской девушкой Эттаррой, которую некоторые считали ведьмой, и теперь юноша повсюду следовал за ней.

– Очаровательнейшая Эттарра! Любовь моего сердца! – говорил он. – Нигде ни у кого нет такого белого и нежного тела, как у тебя.

– Но ты, Черный Одо, на мой вкус чересчур темен.

– Я говорил не о вкусах, Эттарра. Однако твои ясные глаза настолько ослепляют меня, что я не ведаю, что говорю.

– Твои же глаза, Черный Одо, слишком странны и глубоко посажены. Когда же ты смотришь на меня прямо в лицо, хотя это и редко случается, то твои дикие глаза, Черный Одо, становятся жуткими из-за красного огня, что пылает в них.

– Не смейся надо мной, Эттарра. Давай мы вдвоем станем друзьями – так, как дружат звери!

– И мне бы не хотелось, чтобы ты смеялся, черный зверь, ибо зубы у тебя длинные и острые, и мне их вид отвратителен.

– Однако мое желание тебя очень велико...

– А что до этого мне, если ты не нравишься мне гораздо сильнее?

– Давай тогда на прощание пожмем друг другу руки!

– Да добровольно я не коснусь и твоей руки, Черный Одо, ибо ногти у тебя до неприятного длинные и похожи на волчьи когти.

На этом прекрасная девушка убежала от него через луг, поросший первоцветом. И Эттарра больше не слушала его уговоров, но юноша Одо продолжал страстно желать эту крестьянскую девушку.

Однако самые глубокие желания у него были обращены к Хозяину Леса, и к наслаждениям, которые они делили в Друидском лесу, и к еще большим удовольствиям, что должны были вскоре вознаградить бесстрашие Одо.

– Я замысливаю для тебя великие дела, мой Красавчик, – заверял его Господин, – и я стремлюсь к тому, чтобы ты как можно дольше зашел в службу, на которую мы с тобой поступили.

Даже после того как Одо схватили и он был заточен в темницу в Лизуарте, Господин по ночам приходил к нему, ласкал его и повторял свои заверения.

ГЛАВА III

О его признании и обращении

И вот Черный Одо предстал перед Яирским судом. Он во всем признался и отклонился от истины лишь в заявлении, что именно злая ведьма Эттарра совратила его, невинного юношу, впервые привела его к Хозяину Леса, три раза натерла его с ног до головы мазью и помогла влезть в волчью шкуру. Но Эттарра после того как ее тоже доставили в Яир, ни в чем не призналась. Ее упрямство печальным образом искушало терпение судей. Однако эти ревностные люди не отчаивались, а лишь вновь и вновь истязали ее белую плоть в долгих и мучительных попытках добиться от неуступчивой девчонки откровенности и раскаяния, пока она не умерла.

Клещи, молотки и раскаленное железо не понадобились при перекрестном допросе Одо, так как он легко признавался во всем, на что намекали его одетые в черные мантии судьи, даже когда они назидательно заходили за границы чисто судейского воображения. Одо, по прозвищу Ле Нуар, был посему найден виновным по всем пунктам обвинения.

Председательствовавший в суде миссир Ги де Пи-занж вынес приговор. Пока он говорил, его длинные пальцы лениво поигрывали большой серебряной чернильницей, стоявшей перед ним. Он указал, что благодаря научному прогрессу в этот просвещенный век, чьи преимущества разделяют все люди, стало известно, что ликантропия, или та форма мании, при которой пациент воображает себя волком и поступает как таковой, является галлюцинацией или, как думают некоторые ученые, некой формой хронического заболевания и, в любом случае, при здоровом рассмотрении оказывается скорее болезнью, нежели преступлением.

Следовательно, вышеупомянутый Одр, по прозвищу Ле Нуар, должен, принимая в расчет его молодость и разлагающее влияние, оказанное на него его покойной любовницей, и принимая в расчет его недостаточное образование, быть послан в Эгретонский монастырь для заточения и воспитания и для восстановления его душевного и духовного здоровья (сказал мессир де Пизанж). Наука, господа (сказал мессир де Пизанж), наука в эти прогрессивные времена наконец показала нам, как по-умному обращаться с безумцами.

После этой весьма тонкой эпиграммы, которая, как чувствовалось, в основном являлась комплиментом присяжным, его коллеги заморгали и закивали, словно сидящие в ряд благодущные совы. Но осужденный юноша немножко всплакнул. Расставание молодости со своими иллюзиями довольно болезненно, а Одо увидел, что приговор произносит не кто иной, как его дорогой Хозяин Леса, облаченный в длинную черную мантию и кудрявый белый парик, и Одо понял, что его Господин – лишь глава шабаша Амнеранских ведьм, простой кудесник, а не то великолепное существо, которым считал его Одо.

И вот так блаженный Одо, на котором пока еще лежала пыль мирских странствий, потерял веру в Дьявола как в своего надежного союзника.

И долгое время Черный Одо не был счастлив в монастыре Святого Хоприга, а ползал по земле на четвереньках, питаясь только той пищей, которую мог найти на земле. Он по-прежнему жаждал наслаждений своей ночной охоты; он особенно много думал о маленьких девочках; и он постоянно надеялся, что пройдет немного времени и у него появится возможность вкушать желанной пищи. Однако вскоре мало-помалу он смирился с тихой и спокойной жизнью в монастыре.

Он стал интересоваться религиозными вопросами. В частности, он получал наслаждение от рассказов праведных монахов о страданиях святых на этой порочной земле: о том, как этих блаженных свеживали, поджаривали и разрубали на котлеты из-за их веры. Слушая эти истории, он сидел ошеломленный, крепко скрестив ноги. И время от времени вытирал с губ слюну.

К тому же юный Одо неустанно обсуждал со своими религиозными наставниками изобретательные пытки, которым вечно должны подвергаться проклятые. А о более интимных подробностях этих пыток он начинал говорить с таким жаром, который поистине казался искренним и весьма благочестивым. Короче, благодать вошла к нему в сердце, и он пожелал стать официально признанным слугой Всевышнего, и

орден Святого Хопига с радостью получил эту весьма знаменитую головешку прямо из костра.

Порой, даже после того как новообращенный занялся своей святой деятельностью, Хозяин Леса приходил к нему по ночам, говоря как и в старину:

– Я замысливаю для тебя великие дела, Красавчик.

Но брат Одо не мог забыть, как подло этот Ги де Пизанж обманул его и как темный, ослабевший кудесник воспользовался верой неискушенного юноши, притворившись всемогущим Владыкой Зла. Поэтому Одо крестился, повторял священные латинские слова и, таким образом, вынуждал своего искусителя удалиться.

А старый Ги де Пизанж приговаривал:

– Ты обращаешься со мной очень жестоко, мой Красавчик. Тем не менее я тебя люблю, и из-за завета, заключенного между нами, моя любовь пока будет тебя хранить.

ГЛАВА IV

О показанных ему снизошедших святых

Святость в брате Одо возрастала с каждым днем. Он был наделен свыше религиозной страстью, которой Дьявол так ловко подражает с помощью эпилепсии, при которой пренебрежение плотью у одухотворенного юного фанатика заставляло его кусать и царапать тела тех, кто помогал ему подняться с мостовой или тротуара, где он корчился в благоговейном экстазе. Он также был одарен желчностью и расстройством пищеварения, необходимыми для поддержания всевластного рвения, направленного против любых компромиссов с изнеженными и лстивыми воплощениями зла. Речь его постоянно прерывала легкая икота, когда его желудок освобождался от газов. Ему были видения, в которых его наставляло и учило множество святых.

Они приходили, чтобы утвердить блаженного в его вере, показывая, от пристрастия к каким грехам и извращениям они спаслись верой и теперь являются святыми в возвышеннейших дворах Рая.

– Таков был мой обычный, порочный образ жизни в Аугсбурге[3], – сказала Святая Евтропия[4], – прежде чем меня посетила небесная благодать.

– Вот так я заплатила перевозчику, – сказала Святая Мария Египетская[5].

– Такова была отвратительная и противоестественная ласка, которой я, в частности, была обязана за свою славу, – сказала Святая Маргарита Кортонская[6], – прежде чем обратилась к покаянию и истинной вере.

Все эти гнусности благословенные святые искусно повторяли вместе с братом Одо, чтобы он мог сам ощутить, от каких ядовито-сладких и восхитительных мерзостей еще можно спасти и перенести к вечному блаженству большинство отвратительных грешников с помощью истинной веры.

Лучше было придерживаться этих стезей при нежном содействии Небес благоденствию Их любимого и рьяного слуги. Поскольку через некоторое время пользующаяся дурной репутацией ведьма Эттарра, которую когда-то горячо желал брат Одо и которую не выкинуло из головы общение со святыми, теперь тоже пришла к нему из своего небесного местожительства, которое он обеспечил этой прекрасной девушке, став причиной ее мученичества. Она явилась, чтобы уверить его в своей благодарности всеми возможными способами. После этого из ночи в ночь никого на свете не было счастливее брата Одо.

А днем он повсюду проповедовал то, чему научили его благородные дамы, сошедшие с Небес. Он, в частности, осуждал наглость науки – «так называемой науки», как впечатляюще и едко описывал он те западни, которые зло расставляет человеческому самомнению, – и он учил, что только посредством веры и божественного избрания возможно спасение. Он стал гордостью монастыря. Облаченный в белые одеяния аббат заявил, что из его духовных детей Одо больше всех достоин стать его преемником.

ГЛАВА V

О дальнейшем возрастании в нем благодати

Да и когда Одо был помазан в качестве аббата Святого Гоприга и надел белую шерстяную рясу, соответствующую этому сану, он не прекратил порицать грешников с неослабевающей суровостью. Однако новый аббат был настолько милосерден, что ни одному преступнику не позволялось умереть во грехе, если этого можно было избежать. Вместо этого аббат усердно развивал наиболее конкретные доводы Церкви, чтобы дать каждому отступнику и каждому еретику достаточно времени, чтобы покаяться и, таким образом, уклониться от страданий в мире ином.

Аббат сам смиренно приносил свой табурет в камеру пыток и с любовью наблюдал за муками – дабы смерть раньше времени не прекратила их, хотя бы на один миг, – ради настоящего и вечного блаженства его заблудшего брата. Зачастую ему в камеру пыток приносили и ужин, и он ел прямо там, среди далеко не аппетитных зрелищ, криков и запахов, чтобы ни одной минуты не пренебрегать своими духовными обязанностями.

Да и нельзя было нигде сыскать более красноречивого проповедника. Проповеди аббата повсюду обращали людей на путь истинный, поскольку слушавшие его были так напуганы, что ни один из них не рисковал отправиться в Ад, о котором этот изможденный святой рассказывал им с такой любовью. Он говорил о вечном, неугасимом пламени Ада, об адских смоле, сере, жабах и гадюках, об ужасной горячей мгле Ада и о гигантских серых червях, постоянно питающихся поджариваемыми проклятыми, и он весьма эффектно подражал хриплому вою пропащих душ, когда черти подкидывают их навозными вилами. Он говорил обо всем этом с обстоятельностью человека, получающего наслаждение от обескураживания маловерных. Он устрашал свою аудиторию достоверным изображением всех неприятных подробностей, которое представляет собой сущность реализма.

Пыл аббата был так велик, что, пока он призывал грешников к покаянию и говорил о крови Агнца^[7], в глазах у него вспыхивали красные огоньки, а с губ капала белая пена. Таким образом, он до того запугивал наиболее впечатлительных людей, что у тех начинались судороги; некоторые умирали от страха; но выжившие трепеща вползали в поддерживающие их объятия Святой Церкви, которая одна могла спасти от этих мучений.

Кроме всего прочего аббат трудился над тем, чтобы убедить старого Ги де Пизанжа в порочности его занятий. Аббат трудился весьма усердно из-за той смутной тоски и той жуткой нежности, которые возникали в сердце у облаченного в белую рясу аббата, когда бы он ни лицезрел этого темного, ослабевшего кудесника. Хотя из-за осмотрительности этого волшебника трудился он безуспешно, и блаженный Одо не мог достоверно доказать, что этот нечестивец является одним из староверцев, до тех пор пока посредством небесной благодати почти отчаявшемуся аббату не было ниспослано откровение по этому вопросу.

– Добро вполне может исходить из того, что разум смертных находит заслуживающим порицания, – однажды ночью заявила Эттарра после того, как аббат Святого Гоприга достиг состояния сравнительного уныния. – Ибо избранные Всевышним служат Его воле и истинному благоденствию своих собратьев всевозможными орудиями. Лишь подумай, мой дорогой, являющийся одним из этих особо привилегированных людей, к примеру, о том, как своим лжесвидетельством ты обеспечил мое вознесение к райским наслаждениям! Поступком, который многие из непосвященных могут расценить как презренный, ты добыл для меня, мой милый Одо, такие радости, которые я оставляю с большой неохотой даже для того, чтобы прийти к тебе.

Тут аббат начал бить и рвать ее белую нежную плоть (но только руками), пока Эттарра не призналась, что нигде в Раю она не нашла больших радостей, чем те, которые они делят вместе. Даже при этом Одо смог постичь силу доводов небесной дамы.

Поэтому за пару часов до рассвета он помчался в Ранек к дому старого Ги де Пизанжа в облике крепкого рыжеватого зверя. Луна была к нему весьма благосклонна. Блаженный Одо сперва не повстречал

ни одного живого существа, кроме настоящего волка – девственной самки, которая приняла его за себе подобного. Вскоре они уже мчались вместе, а благодарный аббат рычал хвалу добрым Небесам, которые сделали его способным снова и снова, причем без впадения в грех, получать самые глубокие и будоражающие душу наслаждения. Он ликовал, будучи рьяным церковником, вот так свидетельствуя о силе и проницательности Всевышнего, который смог настолько ловко перехитрить Своих жалких противников.

ГЛАВА VI

О его непрерывном усердии и продолжающейся деятельности

На следующий день на заднем двореке дома мессира де Пизанжа был найден изуродованный ребенок, и улики против дворянина с точки зрения здравого смысла оказались достаточно. Старого Ги де Пизанжа целый месяц пытали, а на суде председательствовал облаченный в белую рясу Святого Гоприга, и обвиняемого должным образом приговорили к сожжению на костре как вервольфа[8].

Мессир де Пизанж не жаловался. Он знал, что истекает предписанный ему девятый год до принесения его в жертву и что он сам вызвал это неизбежное жертвоприношение посредством иллюзий, которые насылал для забавы спящего Одо.

– Я тщеславно замысливал для тебя великие дела, мой Красавчик, – сказал этот темный, ослабевший кудесник на рыночной площади, когда его обкладывали хворостом. – Но мои искусные уловки уходят вместе со мной. Больше не будет святых, наставляющих и хранящих тебя, которые являлись всего-навсего моими ставленницами. Никогда больше, пока ты носишь смертную плоть, не будет никаких красивых посланниц, мой Красавчик, раз Князь сего мира принимает свою жертву.

Аббат встревожился, поскольку теперь понял, что все утешения его набожности являлись подлогом, совершенным этим настойчивым кудесником. Рука аббата поднялась к подбородку, Одо слегка икнул, но ничего не сказал.

Затем темный старый Ги де Пизанж, смотря снизу вверх на аббата Одо своим терпеливым и обожающим взглядом карих глаз, с любовью сказал:

– Однако будет еще одна посланница. Между тем ты, мой милый, в своей белой рясе – которая когда-то являлась всего лишь нарядом безмозглой овцы, – не нуждаешься в моей помощи, чтобы зайти дальше, чем смог я, в службе, на которую мы с тобой поступили.

И вновь жуткие, предательские и отвратительные тоска и нежность встревожили облаченного в белую рясу аббата, когда он посмотрел – теперь уже в последний раз – на связанного по рукам и ногам негодяя, который однажды так подло обманул его, притворившись всемогущим Владыкой Зла, и который теперь еще раз обманул его своими посланницами в образе святых. Но при занятиях любым делом следует соблюдать внешние приличия.

Поэтому записано, что сидящий в белой рясе на престоле аббат лишь слегка нахмурился при этом непристойном вмешательстве в ход впечатляющей церемонии, стать свидетелями которой собралось множество верующих. После чего он дал сигнал факельщикам. Он откинулся на спинку своего высокого мягкого кресла, сделанного из резного тика и обитого йеменской кожей, что стояло под сине-желтым балдахином, необходимость в котором вызвал этот неприятно жаркий день. И Одо задумчиво наблюдал за кончиной всего, что он когда-то любил.

ГЛАВА VII

О целительной силе его проповедей

В последствии аббат обнаружил, что мессир де Пизанж, в самом деле, сказал правду. Аббату Одо теперь было отказано в утешениях религии. Видения из Рая больше его не посещали. Никакие святые его больше не наставляли и не учили. Он понял, что все они являлись подложными иллюзиями, полученными благодаря искусности темного, ослабевшего Ги де Пизанжа. Аббат осознал, что он не бессмертен; что не существует ни Рая, ни Ада; что не будет никакой ревизии человеческих поступков; и что вместо этого он движется навстречу своему полному уничтожению. Желчность покинула его, пищеварение стало превосходным – теперь, когда он постиг, что люди погибают точно так же, как и звери, и узнал, что любая религия есть лишь великолепное успокаивающее средство, поддерживающее людей в их неуютном и утомительном пребывании на земле.

Он вполне мог постичь цену человеческой веры, потеряв ее. Он повсюду говорил о любви Бога ко всем людям и о том, как величественных Небес можно достичь покаянием и отказом от дурных привычек. Попытки он теперь применял крайне редко, поскольку в аббате Одо пробудилась страсть избранного человека искусства, с уважением относящегося к художественным средствам... Он размышлял, что дорогой Ги был своего рода художником, ограниченным своими собственными рамками, с чрезвычайно небольшой публикой, состоявшей из одного человека. Да, Ги творил в целом делающих ему честь святых, совершенных в мельчайших подробностях... Но искусство уважающего себя священника по своему диапазону более общо и более благородно, ибо оно повсюду обращается к скудоумным и несчастным.

Сотни людей, раскрыв рты, слушали его, а аббат Одо по своей воле управлял умами паствы, пробуждая радость и веру не фокусами черной магии, да уже и не каленым железом и клещами, но словами любви. Так как он знал, что Ада не существует, он едва ли мог теперь страшить людей адскими муками. Вместо этого он обратился от реализма к романтизму и блестяще симпровизировал непостижимую любовь и вечные блаженства Рая, являющегося наследием человечества и ждущего каждого причастника по ту сторону могилы. Речи его вызывали у аудитории наилучшие и наичистейшие чувства.

Слава его росла. Его пригласили ко двору. Король был весьма тронут прекрасными проповедями аббата Одо и поклялся животом Святого Грися, что в животе у этого блаженного пылает священный огонь. Придворные дамы не одобрили эту метафору, но все они нашли аббата Святого Гоприга обворожительным.

- Особенно... – сказала одна из них.
- Но, дорогая, – воскликнула ее подруга, – неужели ты имеешь в виду, что у тебя тоже?..
- Я имею в виду только то, что, если у других мужчин...
- Однако только священник, моя милая, может дать тебе отпущение грехов...
- ...Как средство для улучшения пищеварения...
- Ах, но так душевно обедать с уважаемым аббатом».

Вот так болтали эти дамы под своими отделанными горностаем капорами, своими треугольными ажурными шляпами и своими блестящими чепцами из серебряной сеточки. Так что аббат Святого Гоприга добился огромного успеха в обществе, он получил право доступа во все дома, и повсюду он обращал всех на путь истинный.

Ему исповедовалась сама королева. А после того как он тщательно вникнул в личную жизнь этой дочери дома Медичи^[9] и с любовью отпустил ей грехи, она немедленно позаботилась о том, чтобы этот чудесный человек стал епископом Вальнерским.

ГЛАВА VIII

О добрых порывах его благочестия

В епископском дворце блаженный Одо жил непринужденно и очень счастливо. Он не скучал по обществу своих святых, поскольку множество его прихожан нуждалось в утешении и успокоении епископа, который, в конце концов, начал стареть. И потеря собственной веры оказала ему большую помощь, поскольку теперь его занятием являлось пробуждение веры во множестве других людей. Потеря эта способствовала неизменному наличию такта при отсутствии какого-либо догматизма. Потеря эта избавила его навсегда от тех сомнений, что порой так тревожат духовенство.

Одо Вальнерский жил как художник. В этом он находил удовлетворение. И он удостоверивался в этом, творя удовлетворение в жизни окружающих.

По всему Нэмузену и Пьемонтэ он нежно любил свою паству, как отец любит своих детей, а художник – свою публику. Он заботился об их телесных удобствах, а превыше всего он заботился об их вере. Поскольку он знал, что положение низших слоев общества требует лишь этой веры, которая является (ибо бытие крестьянина или лавочника далеко от благородства) одновременно наркотиком и благотворным ограничителем.

Альтруист поэтому отговаривал бы склонных ко злу от противозаконных грехов, таких как убийство, прелюбодеяние, воровство и поджог, которые, даже практикуемые в международном масштабе под непосредственным покровительством Церкви, всегда стремятся нарушить общественный покой. Альтруист пытался бы, насколько позволяет ему дар воображения, поддержать трусливых и слабоумных, престарелых, больных и нищих, да и всех остальных людей, которые невыносимо страдали от неизбежного действия законов жизни и государственного устройства, надлежащего рода романтическими историями о грядущем наследии, которое сделает временные неудобства этих бедняг в настоящем – с любой по-настоящему здоровой точки зрения – совершенно несущественными.

Поэтому сейчас для стареющего епископа, когда бы он ни надевал свою митру и белую льняную мантию, соответствующие его сану, являлось привилегией и наслаждением проповедовать своей пастве веру, надежду и милосердие. Эти напуганные, глупые и, однако же, привлекательные люди так ужасно нуждались – в своей безрадостной, поломанной жизни – в вездесущей угрозе и в вездесущем обещании истинной религиозной веры ради сохранения у них здравого рассудка или, коли на то пошло, сохранения их в качестве приемлемых членов общества. Так что епископ с любовью служил своему искусству, он получал удовольствие от занятий своим искусством: ибо он видел, что религиозная вера крайне необходима для благополучия низших сословий и даже способна сослужить хорошую службу и утешить состарившееся мелкопоместное дворянство.

Но одолевали его и некоторые сожаления. Он то и дело сожалел о пропащей ведьме Эттарре, поскольку ни одна христианка, которую он когда-либо знал, – как бы благодетельна и усердна она ни была – не достигала обаяния этой маленькой красавицы, когда она притворялась святой, сошедшей с Небес. Он сожалел к тому же, что его больше не забавляет охота в волчьей шкуре. Изредка она, конечно же, была необходима – когда не срабатывали доброта, любовь, обычная тарелка супа и одеяло, – для того, чтобы избавиться от какого-нибудь очевидного проявления неверия или порока, подававшего действительно опасный пример всей епархии. Но подобные грешники почти всегда оказывались настолько малокровны и щедедушны, что епископу искренне не нравилась эта сторона его церковной деятельности. Короче, он достаточно охотно признавал, что Одо Вальнерский пересек верхнюю границу средних лет и что основное наслаждение он должен впредь получать от своего искусства.

А иногда он к тому же сожалел, что его искусство не может распространяться и на другие мифологии. Он восхищался отчетливо выписанными характерами богов, которых нашел в этих мифах. Превосходные темы для художника-творца содержались в возвышенных деяниях Зевса – Тучегонителя и Громовержца^[10], которого также называли Мускарий, потому что он прогнал мух. А зоологические любовные интриги Зевса давали отличную возможность для обращения к богатой, смелой, романтической манере живописи с использованием приятных телесных оттенков... Затем героическая концепция

Рагнарёка[11] этой последней, самой великой из всех битв между добром и злом – в которой скандинавские боги, а вместе с ними вся воинственная скандинавская церковь должны были бесстрашно погибнуть за правое дело, – которая являлась представлением, ужасавшим епископа, словно звук трубы.

Однако это представление являлось весьма опасным: нельзя вот так показывать религию в конце невыгодного предприятия, приведшего к космическому банкротству. И, конечно же, небольшая паства Рагнарёка никогда бы в жизни не оценила его героического трагизма. Нет, нужно подбадривать средний класс перспективами чрезвычайно блистательных наград, которыми будут вечно одаривать в золотом граде, в которыйходишь через ворота-жемчужины. И все же, просто как тема, Рагнарёк очень нравился епископу...

Затем, как очаровательно было бы один раз – или, вероятно, постоянно в течение всего угнетающего периода поста – изложить с проповеднической кафедры восхитительно причудливые содержания африканской или полинезийской мифологий. Так редко выпадал случай на этом ограниченном и чересчур степенном возвышении развить свой скромный юмористический дар или талант безыскусственности, в чем преуспевали только величайшие мастера. Да, в целом было бы очень приятно рассказать своей небольшой пастве о божьей Айдо-Хведо[12]; и о несчастьях Барин-Мутума[13] после того, как это полусущество позаимствовало тело для брачных целей; и о чудесах, которые Мауи-выношенный-в-волосах-Таранги[14] творил с помощью челюсти своей прабабки...

Но, в конце концов, художник должен работать с доступным материалом. В конце концов, христианство показывает множество превосходных моментов и радующих глаз усовершенствований, добавленных после кончины его основателя. А в качестве темы – когда с этой темой обращаются умело и касаются ее с истинным вдохновением, – оно прекрасно служило, чтобы содержать в достаточной удовлетворенности его небольшую паству, заверяя людей в грядущих наградах за благоразумное и добропорядочное поведение. Ни один альтруист не мог бы требовать большего... Епископ улыбался и возвращался к своей христианской проповеди.

Одним словом, в этих краях никогда не существовало более уважаемого и всеми любимого епископа. И весь Нэмузен и Пьемонтэ понесли большую утрату, когда однажды утром блаженный Одо покинул свой епископский дворец, причем он так никогда и не узнал, каким образом.

ГЛАВА IX

О предписанной ему награде

По сути дела, Одо проснулся в некотором потрясении, очутившись в совершенно неклерикальной обстановке. Находиться вне дома в одной ночной рубашке было уже достаточно неловко. Но казалось лишенным всякого смысла то, что он в таком неофициальном одеянии должен плыть в серой пустоте на некоем необычайно толстом, мягком, аляповатой расцветки ковре и делить его с этой молодой женщиной.

– Не можете ли вы, сударыня, случаем осведомить меня, – спросил он с учтивостью, которой по праву славился, – каков смысл этого упражнения в остроумии? И кто имел наглость поместить меня сюда?

– Не волнуйся, бедный Одо, – ответила та. – Просто ты, мой милый, наконец тоже умер.

И тут епископ ее узнал. Тут он понял, что каким-то образом некое похвальное чародейство вновь возвратило его к девушке Эттарре. И на данный момент ничто другое, по-видимому, не имело значения. Ибо эта восхитительная девушка казалась прекраснее и даже более желанной, чем когда-либо. Она была рядом с ним. Старость и все успокаивающие недостатки старости чудесным образом покинули праведного епископа Вальнерского.

Однако в следующий миг приятное выражение на его лице чуть изменилось, и он стал выглядеть уже не всецело счастливым, сидя на маленьком золотисто-розоватом облаке.

– Тем не менее, – сказал епископ, – тем не менее ситуация совершенно нелогична. Я припоминаю, что прошлой ночью мучился – чуть-чуть – несварением желудка. Завзятый артист никогда со мной не согласится. И в моем возрасте, конечно... Да-да, для меня умереть во сне достаточно естественно. Однако продолжение жизни моего сознания... каким бы удивительным и приятным ни оказался его итог, – добавил он с галантным поклоном в направлении обаятельного предмета любви своей юности, – является весьма печальным ударом по науке. Оно опрокидывает любую философию, и оно раздражает здравый смысл.

– Мой дорогой, – ответила Эттарра, – сейчас ты совершенно покончил с такими легкомысленными вещами, как здравый смысл, философия и наука. Но благодаря моему, исполненному любви вмешательству, откровенно должна тебе сказать, что для тебя была бы оставлена кое-какая небесная награда.

– Моя очаровательная Эттарра! Любовь моего сердца! – воскликнул епископ. – Давай не будем шутить на профессиональные темы, даже теперь, поскольку здесь, похоже, все совершенно шиворот-навыворот, и я не расположен к остротам и каверзным репликам. Вместо этого расскажи мне, куда несет нас это облако!

Девушка теперь посмотрела на него весьма насмешливо, однако очень нежно.

– Ты спрашиваешь – прекрасно поставленным голосом, который так долго отличал твои публичные выступления, – куда несет нас это облако? В общем, нужно провести различие. Я села на него, чтобы всего-навсего прокатиться. Но ты, мой дорогой, обреченный Одо, в данное время находишься на пути в Рай, который ты прежде обещал своим прихожанам. А по сути, ты уже можешь увидеть – вон там – аметистовые основания стен Святого Города^[15].

– Моему удивлению нет предела! – сказал Одо Вальнерский. – Господи, но это же ужасно!

А Эттарра ответила достаточно трезво:

– Как ты обнаружишь, мой милый, с тобой согласятся весьма немногие – там, где ты найдешь вместо этого, что все твои причудливые Небеса дрожат от волнения из-за твоего прибытия. Поскольку при своем необузданном красноречии за время своей деятельности, только что подошедшей к концу, ты обратил на путь истинный множество людей. На самом деле ты заманил на стези вечного спасения – как официально сообщил в утреннем заявлении архангел Орифиил – не менее одной тысячи ста семи душ. Как следствие этого, блаженные повсюду в данный момент готовятся радушно принять дома доблестного героя Небес

пением псалмов при участии полного состава небесного хора.

– Увы! – сказал блаженный Одо во второй раз. – Но это поистине ужасно!

И при этом он задумчиво поправил ночную рубашку, натянул более аккуратно на щиколотки красные фланелевые грелки для ног и на минуту впал в раздумья сбитого с толку человека. Ни один человек, обладающий его известной скромностью, не поверил бы, что сумма будет четырехзначной, но его красноречие и поток живейших образов, конечно же, иногда обращали многих людей к принятию утешающих заверений религии. Да епископ не мог обнаружить и в своих поступках чего-то заслуживающего порицания – даже сейчас.

Нет, он поступал логично. Положение низших слоев общества в том мире, который Одо Вальнерский теперь оставил позади, весьма определенно требовало именно такой веры, которая является (ибо бытие крестьянина и лавочника далеко от восхищения) одновременно наркотиком и благотворным ограничителем...

– Одним словом, ситуация приводит в недоумение, – сказал епископ вслух, – и она обладает особенностями, которые ни один священник не мог предвидеть. Однако я по-прежнему убежден, что, если бы я и лгал, в моем поведении не было бы ни единого изъяна.

Теперь очаровательная девушка, прижавшаяся к нему и настолько счастливая, будто еще раз встретиться со своим дорогим Одо вполне достаточно для ее верного сердца, не сказала ничего, пока...

Но уважаемому всеми епископу, отделенному от тела и плывущему в пустоте, а одетому лишь в ночную рубашку и красные фланелевые грелки для ног, показалось чуточку обескураживающим вот так обнаружить, что религиозные представления переходят свои законные границы и преследуют его по другую сторону могилы.

А если подумать, неразумность такого итога его долгой и почетной деятельности была не единственной тревожащей чертой. Теперь Одо Вальнерский посмотрел на приближающийся громадный причал, над которым сверкал вход в Рай. Ворота эти действительно представляли собой огромную жемчужину с отверстием, через которое можно было войти внутрь, а над ним, как сейчас разобрал епископ, было выгравировано имя «Левий»[\[16\]](#).

Одо Вальнерский воскресил в памяти свои библейские штудии. Ему еще больше стало не по себе, и он ткнул пальцем под покрытое нежной, как бархат, кожей ребро своей спутницы по этому маленькому золотисто-розовому облаку.

– Проснись, моя дорогая Эттарра, и расскажи, похоже ли это место на то, которое описано в Священном Писании!

Прелестная девушка послушно села.

– Точь-в-точь! – ответила Эттарра, и ее задумчивая улыбка на менее аппетитных губах показалась бы бесчувственной.

– Ах, в общем, так или иначе, но я не сомневаюсь, что Святой Город модернизировался! И шел, так сказать, в ногу с прогрессом!

– В Раю не существует ни изменчивости, ни тени непостоянства, как ты должен прекрасно знать, поскольку обычно очень любил цитировать в проповедях эти тексты.

– О, Боже мой! – сказал праведный епископ Одо в силу привычки, и благодушие сошло с его мясистого лица.

Теперь наконец его поразило самое что ни на есть искреннее раскаяние. Он подумал о своих прихожанах, о своей введенной в заблуждение пастве, обо всех порядочных, воспитанных и культурных причастниках, заманенных его излишней любовью к риторике в это страшное логово многоголовых драконов и остальных разнообразнейших чудовищ. Поскольку эти нелепые звери, похоже, не являлись всего лишь плодами воображения и фигурами речи. Перед ним действительно находилась одна из двенадцати жемчужин, через которые он обещал цветущей своей небольшой пастве славный вход в Рай. А Книга Откровения Святого Иоанна Богослова была, вопреки любому рациональному истолкованию,

намного хуже, чем просто высокопарная невразумительность, которой приходится притворно восторгаться.

За этими сияющими стенами несчастные крестьяне и горожане, которых предало его ораторское искусство, теперь находились не под присмотром какого-нибудь благодушного епископа, а были брошены на волю несметного числа повелителей с прическами, как у женщин, и ногами, сделанными из меди, которые проводят время, трубя в трубы, и откупоривая пузырьки с разносчиками моровой язвы, и ставя восковые печати на лбы беззащитным покойникам. Его прихожане теперь являлись отвратительными сотоварищами огромной саранчи с человеческой головой, и необъезженных коней с хвостами наподобие змей, и тельцов с глазами в задней части тела. Да и впечатление от ставящих в тупик обычаев и разношерстного животного мира этого царства отнюдь не сглаживалось благоприятными климатическими условиями, потому что каждую секунду или две происходило – причем достаточно близко, насколько епископ мог вспомнить свои священные штудии, – землетрясение или необычайно сильная буря с градом; каждую секунду или две солнце чернело, или луна краснела, или же звезды сыпались вниз, как плоды с отрясаемого ветром фигового дерева; а семь громов беспрерывно вели беседы, по большей части, на весьма не деликатные темы.

И Одо Вальнерский – и он тоже, – который всецело зависел от спокойной, мирной и изысканной обстановки, вскоре будет заточен в это жуткое место не за какой-то серьезный проступок, но просто благодаря его благонамеренным попыткам сделать жизнь его небольшой паствы более упорядоченной и более приятной. А это inferнальное самоходное облако уже пришвартовывалось...

ГЛАВА X

О его праведной кончине

А это inferнальное самоходное облако уже пришвартовывалось к блестящему причалу Рая. Епископ и ведьма поневоле сошли на него, так как альтернативы, по-видимому, не было. И теперь позади и ниже несчастного Одо Вальнерского простиралась лишь бесконечная серая пропасть. Под ногами находились большие сверкающие плитки, похоже, сделанные из желтоватого и голубоватого стекла, а перед ним неумолимо маячили ворота, вырезанные в гигантской жемчужине.

— Ну и ну! — сказал вслух почему-то совершенно отчаявшийся священнослужитель. — Но даже сейчас должен же быть какой-то путь бегства из этого существования, которое я обычно, не подумавши, обещал в качестве награды?

— Должен, — ответила ему Эттарра, очень гордая и счастливая, после еще одного крохотного зевка, — поскольку ничто не может противостоять любви. Но неужели ты не понимаешь? Мне разрешено тебя искушать. Конечно, на облаке не чувствуешь себя в полной безопасности. Но здесь мы стоим на твердой яшме и ляпис-лазури. И с помощью таких обождений, которые ты, мой чудесный и страшно любимый, я верю, еще окончательно не забыл, я собираюсь предохранить тебя от всех разновидностей райских ужасов.

— Эх, разве возможно, даже в самом конце пути, для праведника уклониться от своей судьбы? Разве есть еще какое-то более подходящее место для посмертного покаяния пользовавшегося всеобщим уважением епископа?

Милая девушка сказала ему тогда, по-прежнему с тем весьма трогательным обожанием, которого, по его мнению, он был не достоин.

— Ценой лишь одного крошечного, приятного, но неблагоприятного поступка — даже сейчас, мой возлюбленный, ты можешь вернуться вместе со мной в Языческий Рай. А он совсем не похож на твое старомодное Царство Небесное, но, наоборот, является демократией, где нет недостатка в современных достижениях культуры и цивилизации.

При этом Эттарра начала говорить о своем теперешнем местопребывании в напыщенной манере всех чрезвычайно молодых поэтов. И праведный епископ Одо, глядя на нее с прежним обожанием и с незабываемым наслаждением от ее прелести, увидел в огромных, удивительно сверкающих глазах Эттарры то, что, как он был уверен, никто в этой ужасной восточной фантазмагии никогда не сможет понять с тем сочувствием, которое упорно тревожило его.

Без сомнения, Эттарра приукрасила некоторые подробности. В описательных пассажах так всегда и делают. А он отлично помнил, как маленькая красавица, когда она притворялась святой, лгала ему из ночи в ночь с елейностью зауспокойной службы. Даже при этом восхитительная, обнимающая его ведьма являлась женщиной, которую Одо Вальнерский любил в своей далекой благочестивой юности, когда он верил в святых с жаром и разносторонностью, которые никогда окончательно не выкинуть из головы. А в остальном епископ мог, как он теперь чувствовал, — при всем успокаивающем обветшании старости, так чудесно возмещенном, — получив в награду сердечную верность его Эттарры, быть достаточно счастлив в этих культурных, интеллигентных, обладающих широкими взглядами кругах, которые она описала...

Оставалось лишь допустить обычную для девушек легкую неточность в высказываниях...

Таким образом, епископ начал задумчиво оценивать вероятности того, что произойдет, и тут, просто в силу привычки, перекрестился, отведя на мгновение свои темные глаза от удивительно огромных и сверкающих глаз Эттарры и посмотрев вниз; и в течение этого довольно долгого мгновения он наполовину по-отечески гладил нежную и такую прелестную ручку дорогой возлюбленной своей далекой, благочестивой и пылкой юности; а Эттарра прижималась к нему все плотнее и плотнее и восхитительно извивалась в порыве своей искренней и лестной для него страсти.

Как раз в этот момент безмятежность их воссоединения была омрачена появлением еще одного

облака. Оно причалило, и с него сошел ребенок: мальчик лет семи или около того, только что умерший и пересекший в одиночку серую пустоту между Небесами и Землей. Этот маленький призрак прошел мимо них, и ребенок неуверенно, но смиренно вступил в Святой Город. Узкие плечики были слегка опущены, поскольку эти плитки из яшмы и ляпис-лазури казались маленьким босым ножкам намного холоднее, чем коричневый ковер в его детской или нежные руки матери, которую он оставил далеко отсюда.

Теперь и Одо Вальнерский поднял свой восхищенный взгляд от окрестностей своих красных фланелевых грелок для ног на огромную и ослепительную резную жемчужину.

– Знаешь, – заметил он с мягкостью, которая не была вызвана какой-то очевидной причиной, – знаешь, а я, как это говорится, умею ладить с детьми. Люди настолько лстивы, что заявляют, будто у меня есть к ним подход. Я действительно верю, что мог бы ужасно развеселить этого угрюмого паренька одной из своих самых простых речей, обычно произносимых на конфирмации, если бы мы путешествовали через эту бездну вместе. В сущности, священник, действительно одаренный и с моим богатым опытом, вероятно, смог бы развеселить так, внутри, любую душу, принимая во внимание, какова должна быть там средняя веселость...

– Несомненно, смог бы, мой чудесный, добросердечный и умный возлюбленный, – ответила Эттарра слегка нетерпеливо, если не с настоящим раздражением. – Но теперь это страшное место, мой драгоценный, является тем, о чем тебе больше нет ни малейшей нужды беспокоиться.

Однако в улыбке Одо Вальнерского теперь виднелась страсть энтузиаста. Затем, всего лишь на одно мгновение, он вновь посмотрел вниз с видом человека, сбитого с толку и колеблющегося, и вновь перекрестился, и сделал глубокий вдох, который, казалось, наполнил его неподдающейся разубеждению решимостью.

Он мягко отстранил любимую своей юности. И с мужественным выражением лица, исполненным откровенности и возвышенности, которое всегда отличало его высокопрофессиональные выступления, заговорил:

– Нет, моя милая. Нет, человек духовного сана не должен быть всецело эгоистичен, а в трудном положении достойный уважения епископ должен выбирать то, что кажется ему более благородным и надежным, нежели счастье, которое ты мне обещаешь. Я верил, что религия является лишь наркотиком и ограничителем для невзгод человека на земле. Я ошибался. Признаю это со смиренным раскаянием. А сердце у меня, Эттарра, пылает далеко не позорной страстью, открыв, что занятие, которому я посвятил все свои скромные способности, – а они именно таковы, моя милая, – должно всегда удовлетворять не просто временные, но и вечные требования моих добропорядочных собратьев. Даже после смерти, как я понимаю, у меня есть привилегия остаться духовным проводником и утешителем своей небольшой паствы...

– Но, мой дорогой, бедняги уже спаслись, и для меня все это звучит нелепо.

– Потому что твои суждения поспешны, моя крошка. Там, за этими сияющими стенами, мой народ нуждается во мне как никогда прежде. Теперь намного серьезнее, чем в смертной жизни, им требуется ощущение того, что какой-то умелый и тактичный человек является посредником между ними и до неловкого близким изобретателем их окружения. Теперь, как никогда прежде в их чисто земных невзгодах, они нуждаются в самых красноречивых заверениях, что эти неудобства тривиальны и вскоре окажутся временными. Они нуждаются – в этом антисанитарном, огнеопасном и решительно неустроенном месте, как они не нуждались в более изысканной атмосфере, которую я всегда стремился создать в своей епархии, – в поддержке целительной веры в грядущую награду за благоразумное и добропорядочное поведение. Так что пойми, моя дорогая, я не могу бесчестно бросить свою небольшую паству после того, как, в некотором смысле, предал их и поместил в данные условия. Все эти веские доводы проносятся у меня в мозгу, моя милая, и они усиливаются моим твердым убеждением, что у Эттарры, которую я помню, – и как простую крестьянку, и как блаженную святую – прежде не было раздвоенных копытец, словно – как бы это выразить? – у кроткой и весьма очаровательной газели.

Но тут Эттарра, которая в своей самой последней смертной жизни являлась прелестнейшей из Амнеранских ведьм и самой очевидной из ловушек Сатаны, слегка отодвинулась от Одо Вальнерского в необузданных печали и разочаровании.

– У тебя, Одо, – заявила она, – мелкая и подозрительная душонка, не говоря уж о лицемерной, многоречивой, жирной внешности, и она всегда была такой. И ты можешь говорить, если тебе угодно, хоть вплоть до Судного Дня, но, по-моему, креститься, когда я изо всех сил стараюсь тебя утешить, жульничество!

– *Noblesse oblige* [17], – ответил праведный епископ Одо с той выразительностью, которую он неизменно приберегал для замечаний, отчасти лишенных всякого смысла. Затем он медленно, но непоколебимо двинулся к воротам с именем «Левий», высеченным на нем.

Однако он посмотрел назад сквозь пелену невыплаканных, неподобающих епископу, чисто человеческих слез на страдания этой восхитительной и такой прелестной Эттарры. Ее горе из-за этого окончательного расставания стало таким страстным и безутешным, что сделало обворожительную девушку черной и покрытой чешуей и ввергло ее во внезапно вспыхнувшее разноцветное пламя. А Одо вздохнул, заметив эти ухудшения в ее внешнем виде, а также и в ее манерах, когда его потерянная любовь приняла прискорбное обличье дракона и, неистово размахивая хвостом, с криком бросилась в бездну.

После этого он снял свои красные фланелевые грелки для ног как вводящие нежелательную хроматическую ноту. Он привел в порядок свою белую ночную рубашку, чтобы она производила впечатление стихаря. И епископ Вальнерский вошел в эти блистающие, величественные ворота с надлежащим чувством собственного достоинства.

Хотя он оказался чуточку удивлен, когда чей-то нежный голос произнес:

– Добро пожаловать домой, мой Красавчик!

Черный Одо увидел, что эти совершенно неприступные ворота теперь за ним запер темный, ослабевший, но на вид довольный, старый Ги де Пизанж.

Примечания

1

«И будет препоясанием чресл Его правда...» – цитата из пророка Исаяи (II, 5—6).

2

Ле Нуар (*Le Noir*) (*фр.*) – черный, ужасный, дурной и пр.

3

Аугсбург – город в Баварии; в 1530 г. соратником Лютера Меланхтоном было составлено «Аугсбургское исповедание» – изложение основ лютеранства, которое в некоторых пунктах отступало от первоначальных взглядов Лютера ради компромисса с католицизмом; на Аугсбургском рейхстаге 1530 г. оно было отклонено как императором Карлом V, так и рейхстагом.

4

Евтропия (*Eutropia*) (*греч.*) – (хорошая) предрасположенность.

5

Мария Египетская – в христианских преданиях раскаявшаяся блудница, родившаяся в Александрии в V в.; заметив толпу паломников, направляющихся в Иерусалим на праздник воздвижения креста, она с нечистыми намерениями присоединилась к ним, платя корабельщикам за перевоз своим телом, и продолжала блуд в самом Иерусалиме; но там вразумленная невидимой силой, не пустившей ее в храм, она дала обет впредь жить в чистоте.

6

Маргарита – в христианских преданиях девственница и мученица, уроженка Антиохии, дочь языческого жреца, проклявшего ее за христианскую веру; восточный владыка Олибрий предложил взять ее замуж ценой ее отречения от христианства; за ее отказ ее жестоко пытали и она умерла в 275 г.

7

Агнец – в Апокалипсисе символ Иисуса Христа, добровольно принесшего себя в жертву.

8

Вервольф («человек-волк») – в германской низшей мифологии человек-оборотень, становящийся волком и по ночам нападающий на людей и скот; в христианских представлениях Вервольф – слуга дьявола.

9

Дочь дома Медичи – это либо Екатерина Медичи (1519—1589), жена французского короля Генриха II, либо Мария Медичи (1573—1642), с 1600 г. жена французского короля Генриха IV.

10

Зевс – верховное божество греческого пантеона; «громовержцем» и «тучегонителем» его называл Гомер; Зевс похищает Европу, обернувшись быком, к Леде является лебедем, к Персефоне – змеем; своих возлюбленных, желая скрыть их от гнева своей жены Геры, он тоже превращает в животных: Ио – в корову, Каллисто – в медведицу.

11

Рагнарёк («судьба (гибель) богов») – в скандинавской мифологии гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой богов и хтонических чудовищ, в которой погибают все ее участники.

12

Айдо-Хведо – в мифах государства Фон (особенно в городе Вида) змея-радуга, создавшая землю и небо; горы – это ее экскременты.

13

Барин-Мутум – в мифологии качинов мужской дух – создатель мира; до начала его деятельности существовал только океан, в котором плавала огромная рыба; на нее он насыпал землю, а женский дух отложил на землю гигантское яйцо; оно разделилось на нижнюю половину, оставшуюся на земле, и верхнюю, превратившуюся в небесный свод.

14

Мауи – в полинезийской мифологии богатырь, культурный герой, трикстер; его мать Таранга родила сына недоношенным, запеленала в собственные волосы (отсюда его имя Мауи-тикитики) и положила в океанские волны, после чего его воспитывали морские боги; Мауи к тому же демиург, в мифах маори он воспользовался челюстью своей прародительницы и собственной кровью, чтобы выловить из океана землю.

15

Святой Город – в Апокалипсисе новый, небесный Иерусалим, имеющий двенадцать ворот по числу колен Израиля и по числу апостолов.

16

Левий – одно из двенадцати колен Израиля, представители которого являлись священниками (левитами).

17

«Noblesse oblige» (*фр.*) – положение обязывает.